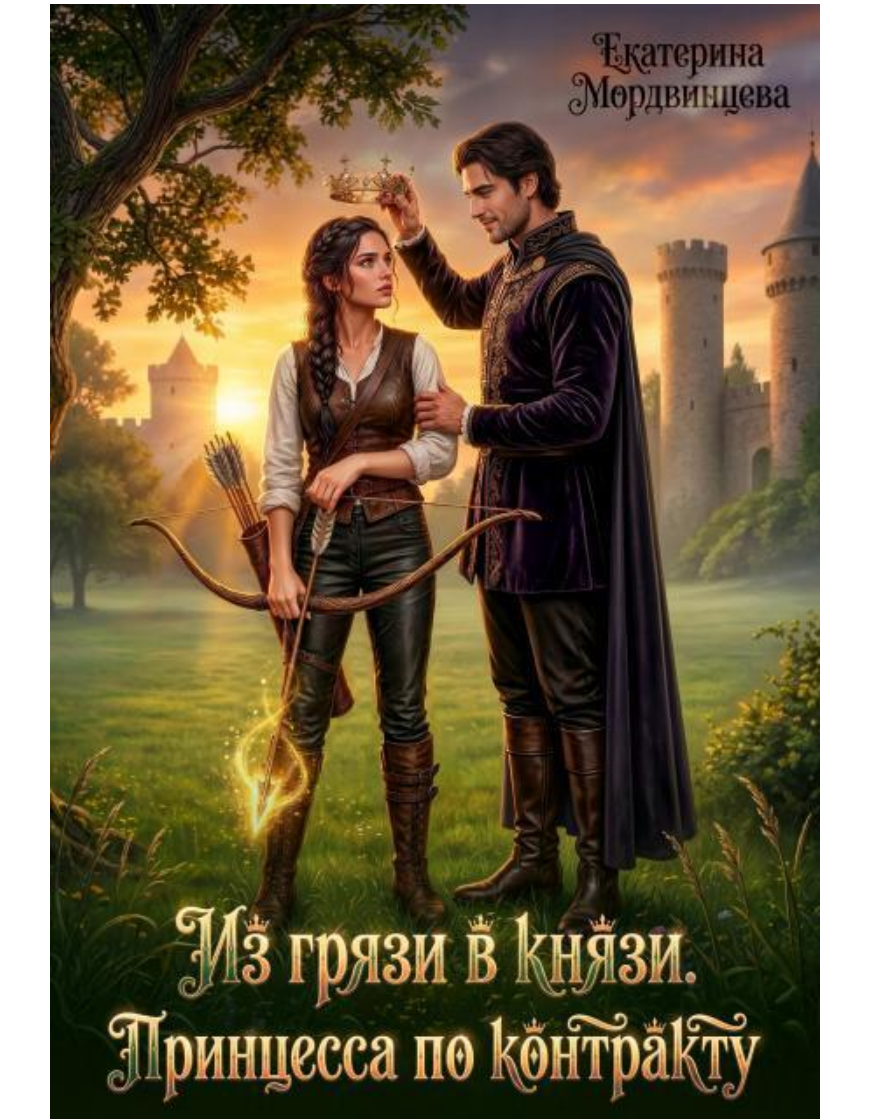

Екатерина
Мордвинцева

Из грязи в князи.
Принцесса по контракту

Екатерина Мордвинцева

Из грязи в князи.

Принцесса по контракту

<https://litres.ru/74211552>

Аннотация

Она — лучшая наёмница Порт-Костей. Дерзкая, циничная, недоверчивая. Он — аристократ, который нанимает её для поиска семейной реликвии. У них нет ничего общего, кроме взаимной антипатии и контракта. Но дорога длинна, опасности подстерегают на каждом шагу, а ночёвки у костра сближают даже врагов. Когда стены между ними рушатся, они понимают: это не просто страсть. Это нечто большее. Но что, если тайна, которую он скрывает, перевернёт всё? И что, если она — не та, за кого себя выдаёт?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

Королевский дворец. За два часа до полуночи.

Нянька Агата уже тридцать лет служила королевской семье. Она вынянчила самого короля, когда тот был ещё крикливым младенцем, потом его сестру, а теперь вот дождалась и маленькую принцессу. Агата знала о дворце всё: какие половицы скрипят громче других, в каком углу кухни лучше всего прячут пирожки, и что звёзды этой осенью горят особенно ярко — к переменам.

— К добру ли? — пробормотала она, выглядывая в окно детской.

Луна висела над башнями огромная, жёлтая, как спелая тыква. Её свет заливал детскую серебром, отражался в хрустальных подвесках люстры и путался в кружевных занавесках.

За её спиной в колыбели заворочалась принцесса. Агата тут же обернулась, забыв о звёздах.

— Тсс, маленькая, — прошептала она, поправляя одеяльце. — Спи, моя хорошая.

Девочка смотрела на неё сонными глазами — огромными, синими, как васильки. На левом плече, выглядывавшем из-под кружевной рубашечки, розовело родимое пятно в виде лилии. Агата перекрестилась, глядя на него. Божья отмети-

на, знак древнего рода. Говорили, что все короли этого дома рождались с таким знаком и что он приносит удачу.

— Удача нам не помешает, — вздохнула женщина, укладывая девочку поудобнее.

Сегодняшний день выдался тяжёлым. Утром приезжали послы из соседнего королевства, и весь дворец стоял на ушах. Король принимал гостей в тронном зале, королева мучилась мигренью, а маленькую принцессу таскали на смотрины три раза. Бедный ребёнок устал так, что заснул прямо во время обеда, уткнувшись носом в кашу.

— Спи, рыбонька, — пропела Агата тихонько колыбельную, ту самую, что пела ещё королю. — Баю-баюшки-баю...

Девочка зевнула, смешно сморщив носик, и закрыла глаза. Её маленький кулачок разжался, выпуская край одеяла, и безвольно упал на подушку.

Агата посидела рядом ещё немного, глядя, как вздымается и опускается детская грудка. Потом поднялась, тяжело опираясь на поясницу, и доковыляла до своего кресла у камина. Ноги гудели после целого дня на ногах. Хорошо бы сейчас горячего чаю с мятой, но будить служанок среди ночи не хотелось.

Дрова в камине весело потрескивали, выплёвывая искры в чёрное жерло трубы. Агата подложила ещё одно полено, прикрыла глаза... И сама не заметила, как провалилась в сон.

Ей снился странный сон. Будто она снова молодая, бежит по зелёному лугу за своим женихом, а тот оборачивается и

машет ей рукой. Но чем ближе она подбегает, тем темнее становится небо, тем сильнее ветер, и жених вдруг превращается в чёрную тень, которая тянет к ней руки...

Агата вздрогнула во сне и плотнее закуталась в шаль. Ей стало холодно. Очень холодно, хотя камин всё ещё горел.

Тьма в углу детской сгустилась настолько, что стала почти осязаемой. Она не вползала — она просто проявлялась, вытекая из щелей между камнями, из теней от мебели, из самой ночи за окном.

Человек в чёрном плаще с капюшоном стоял неподвижно, словно статуя, и смотрел на спящую няньку. Он ждал ровно столько, сколько нужно, чтобы убедиться: женщина видит десятый сон и не проснётся.

Тогда он двинулся к колыбели.

Он не касался пола. Точнее, касался, но его шаги были тише падения пылинок. Тьма послушно расступалась перед ним и смыкалась за спиной, не оставляя следов. Он был тенью среди теней, кошмаром, принявшим человеческое обличье.

Колыбель. Кружева. Маленький свёрток, в котором спало будущее королевства.

Человек наклонился, и лунный свет на мгновение выхватил из-под капюшона жёсткую линию челюсти и тонкие, бескровные губы. Глаза его блеснули — жёлтые, волчьи, нечеловеческие.

— Здравствуй, маленькая королева, — прошептал он го-

лосом, похожим на шелест сухих листьев. — Давно мы тебя ждали.

Пальцы в чёрных перчатках, расшитых серебряными нитями (потускневшими, старыми, словно их носили уже много лет), сомкнулись над ребёнком.

Девочка во сне нахмурилась. Она почувствовала холод — не тот, что приходит с морозного воздуха, а другой, пронизывающий до костей, высасывающий тепло. Её губки дрогнули, она собиралась заплакать.

Но человек шевельнул пальцами, и тьма окутала ребёнка плотным коконом. Звук умер, не успев родиться. Запахи исчезли. Осталась только тишина — ватная, глухая, мёртвая.

Человек поднял принцессу на руки. Она была лёгкой, почти невесомой. Он спрятал её под плащ, прижимая к груди, и та — крошечный свёрток — даже не шелохнулась, загнипнотизированная тёмной магией.

Путь обратно занял ещё меньше времени. Тень, породившая его, уже ждала, готовая поглотить и спрятать.

На пороге, у самого выхода в коридор, человек обернулся.

Нянька спала в кресле. Камин догорал, роняя красные угли. В детской было тихо и пусто. И только одеяльце, сбитое в спешке, свешивалось из колыбели до самого пола, покачиваясь на сквозняке, которого никто не замечал.

Человек улыбнулся — одними уголками губ — и растворился во тьме коридора.

Когда утром кормилица вбежала в детскую с бутылочкой

тёплого молока, она увидела только пустую колыбель и спящую няньку. Агата всё ещё видела свой странный сон про жениха и тень, и улыбалась во сне, не зная, что её жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Кормилица замерла на пороге. Бутылочка выскользнула из онемевших пальцев и разбилась о каменный пол с оглушительным в этой тишине звоном.

— А-а-а-а! — закричала она так, что проснулась Агата, а через минуту — всё королевское крыло. — Принцесса! Принцесса пропала!

Крик ужаса разорвал утреннюю тишину дворца, заметался под сводами, влетел в покои короля и королевы, разбудил стражу, всполошил слуг.

Агата смотрела на пустую колыбель и не могла пошевелиться. Её руки, вынянчившие двух королев и принцессу, безвольно лежали на коленях. Она знала: её казнят. Но сейчас ей было всё равно. Потому что в груди, там, где должно быть сердце, зияла пустота, такая же холодная и чёрная, как та тьма, что приходила ночью.

Часть вторая. Утро нерождённой клятвы

Замок герцогов Кортейнов. То же утро.

Маленький лорд Корин проснулся оттого, что кто-то бесцеремонно отдёрнул одеяло.

— Вставай, соня, — раздался над ухом бодрый голос его наставника, мастера Торвальда. — Сегодня великий день. Твоя жизнь изменится навсегда.

Корин зарылся лицом в подушку и издал нечленораздельный звук, означающий примерный перевод с детского: «Отстаньте все, я сплю».

— Не поможет, — хмыкнул Торвальд и ловко стащил подушку. — Герцог приказал привести тебя в парадный вид к завтраку. Если ты опоздаешь, он снова будет читать нам лекцию о дисциплине. А я эту лекцию слышал уже двести раз, и, поверь, с каждым разом она становится всё скучнее.

Корин приоткрыл один глаз. Мастер Торвальд — огромный, бородатый, с руками, похожими на две окорока — стоял над ним, уперев кулачищи в бока. Он был единственным человеком в замке, кто относился к маленькому лорду не как к хрупкой вазе, а как к нормальному пацану. Именно Торвальд учил его фехтовать (деревянными мечами, но всё же), стрелять из лука и лазать по деревьям в саду, пока отец не видит.

— А что за день-то? — пробормотал Корин, садясь и протирая глаза.

— Тебе шесть лет, — Торвальд ухмыльнулся в бороду. — Пора бы уже запоминать такие вещи. Сегодня ты едешь во дворец. К королю. Будешь обещать жениться на его дочке.

Корин замер с подушкой в руках.

— Чего?

— Того. Помолвка. Договор между семьями. Ты, главное, там не ляпни чего лишнего, — наставник подмигнул. — А то знаю я тебя. В прошлый раз ты при встрече с послами

спросил, правда ли у них из ушей растут волосы.

— Так у него правда росли! — возмутился Корин.

— Росли. Но говорить об этом вслух не стоило. Ладно, одевайся. Вон твоя парадная пытка уже висит.

Корин посмотрел на стул, где был аккуратно разложен костюм. Камзол из синего бархата с золотым шитьём, белоснежная рубашка с кружевными манжетами, штаны до колен, чулки... И, конечно, воротник. Жёсткий, накрахмаленный, с кружевами, которые натирали шею хуже тёрки.

— Я лучше умру, — честно сказал Корин.

— Придётся потерпеть, — Торвальд был неумолим. — Герцог сказал, что если ты снимешь воротник до церемонии, он лишит тебя сладкого на месяц.

Это была суровая угроза. Корин любил сладкое больше всего на свете, если не считать деревянного меча и возможности побегать по лужам.

Через полчаса, натянув на себя всё это великолепие и чувствуя себя наряженной куклой, он спустился в малую столовую. Отец уже сидел за столом, читая какие-то бумаги и попивая утренний чай.

Герцог Кортейн был высоким, статным мужчиной с тёмными волосами, в которых уже серебрилась первая седина, и внимательными серыми глазами. Он посмотрел на сына поверх бумаг, и Корин невольно выпрямился.

— Хорошо, — коротко кивнул герцог. — Садись. Завтрак быстро. Выежаем через час.

— А мама поедет? — спросил Корин, забираясь на высокий стул.

— Маме нездоровится, — в голосе отца мелькнула тень беспокойства. — Она останется дома. Помолится за нас.

Корин кивнул. Мама часто болела. Он уже привык. Но всё равно было обидно, что она не увидит его в этом дурацком костюме. Хотя, может, оно и к лучшему. Она бы точно расплакалась от умиления, а это было жутко неловко.

Завтрак прошёл в молчании. Корин ковырял овсянку, думая о своём. О том, что его, оказывается, собрались женить. На какой-то девчонке. Которая даже говорить не умеет.

— Отец, — не выдержал он. — А зачем мне на ней жениться? Она же маленькая.

Герцог отложил бумаги и посмотрел на сына внимательно.

— Это династический брак, Корин. Когда-нибудь ты поймёшь. Королевству нужен мир. Наш род силён, но короне нужны союзники. Объединив земли, мы создадим державу, которой не страшны никакие враги.

— А если она мне не понравится? — упрямо спросил Корин.

Герцог усмехнулся — редкость для него.

— Понравится. Принцессы для того и растут, чтобы нравиться своим будущим мужьям. А теперь доедай и пошли. Нельзя заставлять короля ждать.

Дорога во дворец заняла около двух часов. Корин сидел в карете напротив отца и смотрел в окно на проплывающие

мимо поля, деревни, крестьян, работающих в полях. Иногда они оборачивались и кланялись герцогской карете. Корин чувствовал себя важным, но немного глупым в своём нарядном костюме.

Он думал о принцессе. Интересно, какая она? Наверное, толстая и всё время плачет. Младенец же. Или, может, она уже умеет ходить? Ей же полгода. Или в полгода ещё не ходят? Корин запутался в сроках и решил, что проще будет увидеть всё своими глазами.

Дворец встретил их суетой. Слуги бегали по коридорам, отдавая какие-то распоряжения, стражники стояли на каждом углу, а в воздухе пахло почему-то тревогой. Корин уловил этот запах своим детским чутьём. Взрослые слишком громко шептались и слишком быстро отводили глаза, когда он смотрел на них.

Их провели не в тронный зал, как обещали, а в малую приёмную, где уже ждали несколько лордов и сам король.

Король Эдмунд выглядел ужасно. Корин даже испугался сначала. Бледный, с тёмными кругами под глазами, он сидел в кресле, сжимая подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Рядом с ним стояла пустая колыбель, увитая живыми цветами. Цветы уже начинали вянуть, и это выглядело очень грустно.

— Герцог, — король поднялся навстречу. Голос его дрожал. — Сынок, подойди.

Корин покосился на отца, тот кивнул, подталкивая его в

спину. Мальчик подошёл к колыбели и заглянул внутрь. Там никого не было.

— А где... — начал он и осекся, потому что король вдруг всхлипнул.

— Её нет, мальчик, — сказал король тихо. — Этой ночью принцессу похитили.

Корин не сразу понял. Похитили — это как? Украли? Как игрушку? Он посмотрел на пустую колыбель, на вянущие цветы, на убитое лицо короля, и внутри у него что-то ёкнуло. Маленькое, но острое.

— Но клятва... — растерянно сказал он. — Мне сказали, я должен клясться.

— Клятва остаётся в силе, — твёрдо произнёс герцог, положив руку ему на плечо. — Ты её жених. И если принцесса найдётся — а она обязательно найдётся — ты должен быть готов.

Король кивнул и жестом подозвал слугу. Тот принёс маленькую бархатную подушечку, на которой лежал перстень с гербом королевского дома — серебряная лилия на синем камне.

— Это знак помолвки, — король взял перстень и протянул его Корину. — Он принадлежал моему отцу, а до того — его отцу. Теперь он твой. Носи и помни: где-то там, — он махнул рукой в сторону окна, за которым простирались леса и горы, — живёт твоя невеста. И ты должен найти её, когда придёт время.

Корин взял перстень. Он был тяжёлый и холодный. Мальчик надел его на большой палец — на остальные кольцо было велико — и сжал в кулаке.

— Я найду, — пообещал он звонко, глядя королю прямо в глаза. — Честное слово.

Король слабо улыбнулся и погладил его по голове.

— Верю, мальчик. Верю.

Церемония была короткой и печальной. Никаких лордов и послов, только несколько самых близких. Корин повторил слова клятвы, которые подсказывал отец, и почувствовал, как они ложатся на его маленькие плечи тяжёлым грузом.

«Клянусь честью дома Кортейн...»

«Клянусь беречь и защищать...»

«Клянусь искать, если потеряю...»

Когда они вышли из дворца, солнце уже клонилось к закату. Корин вертел перстень на пальце, рассматривая, как играет свет в синем камне.

— Ты понял, что сделал? — спросил отец, когда они сели в карету.

— Я пообещал найти её, — ответил Корин серьёзно. — Я найду. Вырасту и найду.

Герцог ничего не сказал, только кивнул и велел кучеру трогать.

Они отъехали от дворца совсем недалеко, когда дорогу им преградил всадник. Лошадь была вся в мыле, бока ходили ходуном, а сам всадник — молодой парень в грязной дорож-

ной одежде — сполз с седла прямо на землю, не в силах стоять.

— Гонец! — закричала стража. — С дороги! Герцогская карета!

Но гонец уже поднялся на трясущихся ногах и кинулся к дверце.

— Ваша светлость! — выдохнул он, когда герцог приоткрыл окно. — Ваша светлость, беда! Принцесса... её следы ведут на юг, за Перевал Семи Ветров! Там горы, там разбойники, там... — он закашлялся, хватая ртом воздух. — Король приказал собирать отряд!

Корин выглянул из-за плеча отца. Гонец смотрел на них безумными глазами, и мальчик вдруг понял, что обещание, данное сегодня, — это не просто слова. Это теперь вся его жизнь.

Карета тронулась дальше, а Корин всё смотрел на перстень и думал о девочке, которую никогда не видел. О девочке с рыжими волосиками, которая спала в колыбели, пока он клялся ей в верности.

— Я найду тебя, — прошептал он в темноту кареты. — Обязательно найду.

Где-то далеко на юге, в тряской повозке, увозившей похитителя и ребёнка к Перевалу Семи Ветров, маленькая девочка проснулась. Она не плакала. Она просто открыла глаза и посмотрела на проплывающие за грязным окном звёзды. В её синих глазах не было страха. Только любопытство

и странная, недетская серьёзность.

Будто она знала: это не конец. Это только начало долгой дороги домой.

И где-то там, в этой дороге, её уже ждали.

Глава 2

Порт Костей назывался так не потому, что здесь кого-то хоронили. Просто триста лет назад, когда первые поселенцы причалили к этому берегу, они нашли на пляже огромный скелет неизвестного чудовища. Кости были такие большие, что из них построили маяк. Маяк стоял до сих пор, светил по ночам, а название прижилось.

Ли́ка любила этот город. Здесь пахло морем, рыбой, дешёвым вином и опасностью. Здесь никто не спрашивал, кто твои родители и откуда у тебя шрам на ребрах. Здесь платили звонкой монетой за быстрый клинок и крепкие кулаки.

— Ли́ка! — заорали снизу. — Подъём, сонная тетеря! Работы есть!

Она открыла один глаз, потом второй. Потолок в её каюте был таким низким, что можно было достать рукой, если встать на кровати. Дощатые стены, одно окно с видом на крышу соседнего борделя, табуретка, на которой висела чистая рубашка, и больше ничего.

Ли́ка зевнула, потянулась так, что хрустнули суставы, и свесила ноги с кровати. Вчерашняя драка в таверне «Утопленник» оставила приятную ноющую боль в мышцах и пару новых синяков, которые уже желтели на рёбрах.

— Иду, — крикнула она хрипло.

Спустилась по скрипучей лестнице, на ходу заплетая во-

лосы в тугую косу, чтобы не мешались. Рыжие, как медь, они вечно лезли в лицо в самый неподходящий момент. Пару раз из-за них она чуть не пропустила удар.

В общем зале постоянного двора «Старый краб» уже было шумно. Завтракали местные грузчики, портовые шлюхи допивали ночную выручку, какой-то заезжий купец пытался втюхать хозяину ящик якобы эльфийского вина (на деле — дешёвого пойла, разбавленного водой).

Лика плюхнулась за стойку, и толстая Герда, хозяйка «Краба», тут же поставила перед ней кружку горячего взвара и тарелку с дымящейся кашей, щедро политой маслом.

— Жри давай, — буркнула Герда, вытирая руки о засаленный фартук. — Заказчик приходил. Сказал, сегодня вечером в «Рваном парусе» встреча. Опять кому-то мозги вправить надо.

— Кто? — коротко спросила Лика, набрасываясь на кашу. Она всегда ела быстро, словно боялась, что еду отнимут. Привычка с детства, из приюта при гильдии. Там кто не успел — тот опоздал.

— Купец какой-то. Лавка на улице Мокрых. Говорит, местные его донимают, дань требуют. А он платить не хочет, потому что уже заплатил городской страже.

— Пусть стража и разбирается.

— Стража с этими сама заодно, — Герда хмыкнула. — Ты же знаешь наши порядки. Короче, вечером будь. Пять серебряных, задаток уже у меня. Половину потом отдашь.

Ли́ка кивнула, не переставая жевать. Пять серебряных — это хорошо. За вычетом доли гильдии и платы Герде за угол останется три. Хватит, чтобы перезимовать и купить новые сапоги. У этих уже подошва дырявая, насквозь мокнет, когда идёт дождь.

А в Порт-Костях дожди шли часто. Климат тут был мерзкий, сырой, продувной. Но Ли́ка за двенадцать лет, что она помнила себя в этом городе (а память начиналась лет с пяти, с приюта при гильдии наёмников), привыкла ко всему.

После завтрака она поднялась к себе, достала из-под кровати потайной ящик и проверила оружие. Два метательных ножа за пояс, один длинный, для ближнего боя, на бедро. И небольшой стилет в сапоге, на самый крайний случай.

Всё чисто, остро, смазано. Хорошо.

День тянулся медленно. Ли́ка сходила на рынок, приценилась к сапогам, но так и не купила — решила, что после сегодняшней работы, если всё пройдёт гладко, можно будет позволить себе даже с медной пряжкой. Потом зашла в порт, посмотрела на корабли. Они приходили и уходили, увозя товары и людей в далёкие страны. Ли́ка иногда мечтала сесть на такой корабль и уплыть куда глаза глядят. Но куда? Везде одно и то же. Люди дерутся, убивают, грабят. Разница только в языке, на котором они при этом ругаются.

Ближе к вечеру она вернулась в «Краб», переоделась в чистую рубашку (синяки на рёбрах уже не так бросались в глаза), натянула куртку из тёмной кожи и отправилась в «Рва-

ный парус».

Часть вторая. Техника безопасности

«Рванный парус» считался одной из самых опасных таверн в порту. Сюда ходили матросы с торговых судов, грузчики, которые не боялись ни бога, ни чёрта, и всякий сброд, которому в приличных заведениях наливали только через чёрный ход.

Ли́ка толкнула дверь и сразу попала в облако табачного дыма, смешанного с запахом пота, дешёвого рома и жареного мяса. В зале было человек пятьдесят. Кто-то играл в кости, кто-то тискал девок, кто-то просто пил молча, уставившись в кружку.

Купец сидел в дальнем углу, спиной к стене. Правильно делал, в таком месте спину надо прикрывать. Ли́ка скользнула между столами, лавируя так, чтобы никого не задеть — лишние драки до работы ей были ни к чему — и села напротив.

Купец оказался толстеньким, круглым человечком с заплывшими глазками и трясущимися руками.

— Вы... вы Ли́ка? — заикаясь, спросил он. — Мне сказали, вы лучшая. Что вы можете помочь...

— Я могу сделать так, что местные отстанут от тебя навсегда, — перебила Ли́ка, жестом подзывая разносчицу. — Эль. Тёмный. И мясо. С кровью.

Девка кивнула и убежала.

— Рассказывай, — велела Ли́ка, откидываясь на спинку

стула. — Кто, сколько, когда.

Купец залепетал, размазывая слёзы по щекам. История была простая и скучная. Местная шайка, человек пять, решила, что купец должен платить им за право торговать. Городская стража либо в доле, либо просто боится связываться. Требуют сто золотых, угрожают спалить лавку и семью.

— Я заплатил уже два раза, — всхлипнул купец. — А они снова приходят! Говорят, мало! Разорили меня в пух и прах!

Ли́ка слушала вполуха, одновременно оценивая обстановку в зале. Трое за соседним столом слишком часто на них поглядывали. Один — здоровенный детина с татуировками на руках, второй — тощий и вертлявый, третий — лысый, с расквашенным носом. Типичная шайка.

— Те, что требуют деньги? — кивнула она в их сторону, не повышая голоса.

Купец побледнел и вжался в стул.

— Д-да... Это они. Главаря зовут Агеем. Он самый страшный.

— Ясно.

Подошла разносчица с элем и мясом. Ли́ка отхлебнула, отрезала кусок мяса (действительно с кровью, как любила) и принялась жевать, не спуская глаз с троицы.

Те, заметив, что их узнали, переглянулись. Агей, здоровенный, поднялся и, покачиваясь, направился к их столу.

— Слышь, купец, — прогудел он, нависая над столом. — Ты чего, охрану нанял? Думаешь, эта пигалица тебя спасёт?

Лика даже не повернула головы. Продолжала жевать.

— Я с тобой разговариваю, рыжая! — Агей попытался схватить её за плечо.

Дальше всё произошло быстро. Лика, не прекращая жевать, перехватила его руку, рванула на себя и одновременно подставила подножку. Агей, не ожидавший такой подлянки от «пигалицы», рухнул на пол, выбивая зубы о край стола.

В зале стало тихо. Даже музыка, которую пилил на дудке пьяный музыкант, стихла.

— Ты... тварь... — прохрипел Агей, пытаясь подняться.

Лика наконец прожевала, отпила ещё эля и спокойно сказала:

— Валите отсюда, ребята. Пока я добрая. Купца вы больше не трогаете. Вопросы закрыт.

Тощий и лысый переглянулись, но подходить не спешили. Агей поднялся, вытирая разбитые губы.

— Ты труп, — пообещал он. — Я тебя найду.

— Адрес знаешь? — усмехнулась Лика. — «Старый краб», комната на чердаке. Приходи, если смелый. Только предупреждаю: я не люблю, когда мне мешают спать.

Агей сплюнул кровью на пол и, пошатываясь, двинулся к выходу. Его подпевалы потрусили следом.

Купец сидел белый, как мел.

— Они... они вернутся, — прошептал он. — Соберут всех.

— Вернутся, — согласилась Лика. — Поэтому ты сейчас пойдёшь домой, соберёшь самое ценное и уедешь из этого

города на недельку. Погостишь у родственников в деревне. А когда вернёшься, проблемы уже не будет.

— А вы? — испуганно спросил купец.

— Я сегодня поработаю. С тебя пять серебряных. Задаток Герда уже получила, остальное — сейчас.

Купец дрожащими руками отсчитал монеты и выбежал из таверны быстрее, чем его трясущиеся ноги позволяли.

Ли́ка допила эль, доела мясо и заказала ещё. Работать лучше на сытый желудок.

Она ждала около часа. Агей, как и ожидалось, привёл подмогу. В таверну ввалились пятеро. Самые крепкие, что нашлись в его шайке. С дубинами, ножами, один даже с коротким мечом.

— Рыжая, выходи! — заорал Агей, размахивая дубиной.

Ли́ка вздохнула, отставила кружку и поднялась.

— Ребята, — сказала она громко, чтобы слышали все. — Я предупреждала. Сейчас будет больно. Кто не хочет в этом участвовать — валите, пока целы.

Никто не ушёл. Зря.

Драка была короткой и жестокой. Ли́ка не любила затягивать удовольствие. Она двигалась так быстро, что противники просто не успевали за ней. Первому, с дубиной, она въехала ногой в колено — хрустнуло, мужик взвыл и рухнул. Второго, с ножом, встретила локтем в челюсть, отшвырнула, развернулась, уходя от удара третьего, и добавила ему в солнечное сплетение.

Агей орал и размахивал мечом, но Лика уворачивалась от его неуклюжих выпадов, как танцовщица. Она могла бы убить его сразу, но не хотела крови в таверне — лишние проблемы с городской стражей. Вместо этого она поднырнула под его руку, схватила за пояс и со всей силы швырнула в стену.

Агей сполз по доскам, оставляя кровавый след.

Последний, тощий, попытался сбежать, но Лика догнала его в два прыжка, схватила за шиворот и приложила лицом об стол. Хрустнуло — кажется, нос.

Всё. Пятеро лежат, воют, кровь, сломанные кости. Лика отряхнула руки, поправила сбившуюся куртку и вернулась за свой стол.

— Ещё эля, — сказала она ошалевшей разносчице. — И тому музыканту, чтобы заткнулся. Играет фальшиво, сил нет.

В зале стояла мёртвая тишина. Потом кто-то захлопал. Потом ещё кто-то. А через минуту вся таверна аплодировала девушке, которая одна раскидала пятёрых здоровенных мужиков.

Лика не обращала внимания. Она пила эль и думала о новых сапогах с медной пряжкой.

Часть третья. Слухи

Когда она вышла из «Рваного паруса», ночь уже вступила в свои права. Моросил мелкий дождь, фонари на столбах чадили и коптили, отбрасывая на мокрую мостовую дрожащие

круги света.

Ли́ка зашагала к «Старому крабу», чувствуя приятную усталость в мышцах. Драка вышла хорошая, честная. Даже настроение поднялось.

На углу, у рыбных рядов, её окликнули:

— Эй, Ли́ка!

Она обернулась. Из тени выступил долговязый парень в кожаном жилете поверх голой груди — Шустрый, один из мелких информаторов гильдии.

— Чего тебе?

— Слышал, ты сегодня Агея отметелила, — ухмыльнулся Шустрый, подходя ближе. — Молодец. Давно его надо было проучить. Но я не за этим.

— А за чем?

— В гильдию приходил один странный тип. Аристократ, сразу видно. Манеры, выправка, плащ дорогуший, на руке перстень с камушком, аж сверкает. Ищет телохранителя. Самого лучшего. Платит хорошо, очень хорошо. Спрашивал, кто у нас в городе самый крутой.

Ли́ка насторожилась. Аристократы в Порт-Костях появлялись редко. Обычно они предпочитали столицу или курорты на южном побережье. А здесь — грязь, драки, крысы размером с кошку. Что ему могло понадобиться?

— И что ты ему сказал?

— Сказал, что если нужен кто-то, кто умеет не только мечом махать, но и головой думать, то это ты. Он просил пе-

редать, что завтра в полдень будет ждать в «Золотой утке». Если интересно, приходи.

— «Золотая утка»? — удивилась Лика. — Это же приличное место. Не для таких, как мы.

— Вот именно, — Шустрый подмигнул. — Значит, клиент серьёзный. И богатый. Ты подумай. Агея ты отметелила, но пять серебряных — это не те деньги, ради которых стоит останавливаться.

Лика задумалась. Пять серебряных — это хорошо. Но если аристократ ищет телохранителя надолго и платит хорошо, можно заработать на зиму, на новые сапоги (уже не просто с пряжкой, а вообще кожаные, мягкие, до колена), на приличную комнату, а не эту конуру на чердаке.

— Ладно, — кивнула она. — Передай, что приду.

Шустрый кивнул и растворился в темноте так же быстро, как появился.

Лика пошла дальше, размышляя. Аристократ, ищущий телохранителя в Порт-Костях. Странно. Обычно они нанимают стражу или своих людей. Значит, либо дело очень грязное и своих подставлять жалко, либо он не хочет светиться. Либо и то, и другое.

Ну ничего, завтра она сама всё узнает. А пока — спать.

В «Старом крабе» было тихо. Герда дремала за стойкой, посетители разбрелись. Лика поднялась к себе, разделась, бросила куртку на табуретку и рухнула на кровать.

Перед тем как провалиться в сон, она вдруг вспомнила,

как в детстве, в приюте, одна старая нянька говорила ей: «Ты не простая, девочка. В тебе кровь говорит. Благородная кровь».

Ли́ка тогда только смеялась. Благородная кровь, как же. Её нашли на ступеньках приюта, завёрнутую в грязное одеяло. Ни меток, ни записок, ничего. Просто подкидыш. Таких сотни по всему королевству.

Она перевернулась на другой бок и закрыла глаза.

— Благородная кровь, — пробормотала она в подушку.
— Ага. Кровь портовой крысы.

И заснула, даже не вздрогнув от далёкого крика чаек и шума прибоя.

А где-то далеко, в лучшей гостинице Порт-Костей, в номере люкс на втором этаже, молодой человек в дорожном костюме сидел у окна и смотрел на звёзды. На его пальце поблёскивал перстень с синим камнем и серебряной лилией.

— Завтра, — сказал он тихо. — Завтра я начну поиски.

Он ещё не знал, что судьба уже свела его с той, кого он ищет. И что завтра эта встреча состоится снова. Совсем при других обстоятельствах.

Глава 3

«Золотая утка» стояла на главной площади Порт-Костей, напротив здания городского совета и ровно в пятидесяти шагах от единственного в городе фонтана, который работал только по большим праздникам. Это была лучшая гостиница во всём городе — трёхэтажная, с белой штукатуркой на стенах, настоящими стёклами в окнах и вывеской, на которой толстая золотая утка довольно шурилась на прохожих.

Кортейн проснулся рано. Он вообще всегда просыпался рано — привычка, вбитая отцом с детства. «Кто рано встаёт, тому боги дают», — любил повторять герцог. Правда, боги пока не спешили давать Кортейну то, зачем он приехал в этот вонючий портовый город.

Он подошёл к окну и отдёрнул штору. Внизу уже кипела жизнь: торговцы открывали лавки, грузчики тащили тюки к причалам, бродячие собаки дрались за рыбую голову. Всё чужое, неудобное, грязное.

— Ваша светлость, — раздалось за спиной.

Кортейн обернулся. В дверях стоял его камердинер, старый Эрвин, который нянчил его с пелёнок и теперь отказывался оставаться в замке, когда господин отправлялся в опасные путешествия.

— Сколько раз говорить, Эрвин? — поморщился Кортейн. — Нет никакой «светлости». Я простой путешествен-

ник, ищущий наёмников. Зови меня господин Корт. Просто Корт.

— Как скажете, господин Корт, — Эрвин поклонился с таким видом, будто его заставляли есть руками вместо столовых приборов. — Я принёс ваш утренний чай. И свежие новости.

— Какие?

— В городе говорят о вчерашней драке в таверне «Рваный парус». Какая-то девушка в одиночку раскидала пятерых здоровенных мужчин. Местные уже прозвали её «Рыжей Смертью».

Кортейн усмехнулся, принимая чашку с дымящимся напитком.

— Рыжая Смерть? Звучит как название дешёвого романа. Думаешь, она та, кто нам нужен?

— Не знаю, господин Корт. Но в гильдии наёмников мне посоветовали именно её. Сказали, что если кто и способен справиться с задачей, то это Лика. Больше никого не рекомендовали.

— Лика, — повторил Кортейн, пробуя имя на вкус. — Просто имя? Без фамилии?

— Без, — подтвердил Эрвин. — В гильдии у многих нет фамилий. Это не принято.

— Ладно. Сегодня в полдень я сам схожу в эту гильдию. Посмотрю, что за зверь такая — Рыжая Смерть.

Кортейн допил чай, оделся в простой, но добротный до-

рожный костюм — никаких герцогских регалий, только тёмно-синий плащ, хорошие сапоги и перстень, который он так и не снял с пальца. Перстень с серебряной лилией. Он носил его всегда, с самого детства, как напоминание о данной клятве.

— Может, всё же снимете? — осторожно спросил Эрвин, глядя на перстень. — Приметная вещь. Не ровен час...

— Нет, — отрезал Кортейн. — Я его не сниму. Никогда.

Эрвин вздохнул и ничего не сказал. Он знал эту историю. Знал, что для его господина перстень — не просто украшение, а символ. Обещание, данное маленьким мальчиком, которое теперь должен выполнять взрослый мужчина.

В полдень Кортейн вышел из «Золотой утки» и направился в сторону порта, где, по слухам, располагалась гильдия наёмников «Стальные псы».

Часть вторая. В логове зверей

Гильдия наёмников помещалась в старом пакгаузе, перестроенном под жильё и тренировочный зал. Снаружи здание выглядело мрачно: облупившаяся краска, заколоченные окна первого этажа, тяжёлая дубовая дверь, обитая полосами ржавого железа.

Кортейн постучал. Никто не ответил. Он толкнул дверь — она оказалась не заперта — и шагнул внутрь.

Внутри пахло потом, кожей и железом. В огромном зале, освещённом факелами, тренировались человек двадцать. Кто-то фехтовал, кто-то отрабатывал удары на манекенах,

двое боролись в углу, рыча и матерясь. На него покосились, но никто не остановился.

— Чего надо? — раздалось сбоку.

Кортейн обернулся. На скамье, заваленной оружием, сидел огромный мужик с седой бородой и кривым шрамом через всё лицо. В руках он держал кружку с чем-то, отдалённо напоминающим пиво, и жевал табак.

— Я ищу наёмника, — сказал Кортейн спокойно. — Мне нужен лучший.

Мужик окинул его оценивающим взглядом. Дорогой плащ, чистая рубашка, гладкие руки без мозолей, перстень на пальце. Аристократ. Или богатый купец. Одно из двух.

— Все мы тут лучшие, — хмыкнул он. — Конкретнее говори, что надо.

— Мне нужен телохранитель. Сопровождение в путешествии. На неопределённый срок. Плачу хорошо.

— Сколько?

— Сколько попросят. Если наймут того, кто мне нужен.

Мужик хмыкнул ещё раз, сплюнул табачную жижу в сторону и крикнул в глубину зала:

— Эй, народ! Тут работа есть! Кто хочет поехать с мажором в гости?

Несколько человек обернулись, но интереса не проявили. Кто-то махнул рукой и продолжил тренировку.

— Видишь, — мужик развёл руками. — Не хотят наши с аристократами связываться. Потому что вы, господа хоро-

шие, либо платить не хотите, либо требуете невозможного, либо подставляете своих наёмников под удар, а сами драпаете при первой опасности.

— Я не такой, — твёрдо сказал Кортейн. — Я плачу сполна. И не сбегаю.

— Слова, слова, — мужик отхлебнул из кружки. — Ладно. Есть тут одна... рыжая. Сегодня утром спрашивала, не приходил ли кто. Сказать ей, что ты тут?

— Рыжая? — насторожился Кортейн. — Это та, которую называют Рыжей Смертью?

— Ага. Она самая. Лица. Только она сегодня не в духе. Вчера подралась, морда в синяках. Может, не захочет с тобой разговаривать.

— Позовите, — велел Кортейн. — Я подожду.

Мужик пожал плечами, махнул кому-то рукой, и через минуту из боковой двери вышла она.

Часть третья. Та, которую он не ждал

Лица чувствовала себя паршиво.

Нет, не так. Она чувствовала себя так, будто всю ночь пила дешёвое пойло, а потом её ещё и побили. Но пила она только эль, и побили не её, а она побила, так что с чего бы такое состояние?

А, да. Синяк под глазом, который к утру расцвёл пышным фиолетовым цветом. И ещё один на скуле. И губа разбита, потому что какой-то придурок всё-таки зацепил её локтем, когда она уже швыряла Агея в стену.

В зеркало она смотреть не стала. И так ясно, что красавицей её сейчас не назовут. Но в гильдию идти надо — Шустрый сказал, что тот аристократ придёт сегодня в полдень. А она, хоть и не любила всяких богатеньких выпендрёжников, умела считать деньги. Если он заплатит хорошо, можно потерпеть его общество.

Она вышла в зал и сразу увидела его.

Он стоял у входа, освещённый падающим из-под потолка светом, и так не вписывался в эту обстановку, что Лика даже притормозила на секунду. Высокий, тёмные волосы аккуратно зачёсаны назад, плащ из хорошей ткани, сапоги явно ручной работы, на пальце — перстень с большим синим камнем. И весь такой чистенький, гладенький, будто его только что из мыльной воды вынули и в крахмал окунули.

Аристократ. Сразу видно. И смотрит на неё так, будто она — таракан, выползший из щели.

Лика сразу ошетибилась. Она такие взгляды узнавала за версту. Презрение пополам с брезгливостью. Мол, что это за чучело сюда припёрлось?

Она подошла ближе, встала перед ним, уперев руки в бока.

— Ты тот, кто ищет телохранителя? — спросила она прямо, без всяких там «здравствуйте» и «приятно познакомиться».

Он моргнул. Видимо, не привык к такому обращению.

— Я, — ответил он после паузы. — А ты — Лика?

— Ага. Она самая. — Она демонстративно поправила волосы, чтобы он лучше видел синяк под глазом. — Что надо?

Он смотрел на неё и, кажется, пытался понять, не разыгрывают ли его. Невысокая, жилистая, одета в простую кожаную куртку и штаны, на поясе нож, волосы рыжие, собраны в небрежный хвост, и вся физиономия в синяках. Никакой грации, никакой аристократичной бледности, никакой женственности. Обычная портовая драчунья.

— Мне нужен телохранитель, — повторил он, словно проверяя, не ошибся ли адресом. — Для длительного путешествия. Работа опасная. Плачу хорошо.

— Сколько? — коротко спросила Лика.

Он назвал сумму. Вполне приличную. Для обычного наёмника — очень даже хорошую.

Лика усмехнулась.

— Мало, — сказала она и развернулась, собираясь уйти.

— Постой! — окликнул он. — Ты даже не выслушала условия!

— А зачем? — Лика обернулась. — Ты мне сразу не понравился. Смотришь на меня, как на грязь под ногами. Я таких нанимателей за версту чую. Будешь всю дорогу указывать, как мне жить, что есть, когда спать и куда нож класть. А в первом же бою спрячешься за мою спину и будешь дрожать. Не надо мне такого счастья.

У Кортейна дёрнулся глаз. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Тем более какие-то наёмницы с разбитой

мордой.

— Я не прячусь за спины, — сказал он жёстко. — И не указываю, что есть и когда спать. Мне нужен профессионал. Ты выглядишь так, будто вчера проиграла драку с пьяным грузчиком. С чего я должен верить, что ты справишься?

Лица остановилась. Медленно, очень медленно повернулась к нему. Глаза её сузились.

— Проиграла? — переспросила она тихо. — Ты, мажор, хоть раз в жизни дрался не на дуэли с веером, а по-настоящему? Так, чтобы кровь, грязь и противник на полголовы выше? Нет? Вот и молчи тогда. А эти синяки — трофеи. Пятёрых уложила вчера. Одного со сломанной челюстью, двоих с выбитыми зубами. И ещё двое теперь по-другому ходят в сортир. Так что не надо мне тут про проигрыши.

Кортейн смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает злость. Наглая, дерзкая, даже не пытается понравиться. И при этом... в ней было что-то. Какая-то дикая, необузданная сила, которая пряталась под этой грязной курткой и синяками.

— Хорошо, — сказал он, сдерживаясь. — Назови свою цену.

Лица окинула его оценивающим взглядом. Плащ дорогой, сапоги дорогие, перстень вообще, похоже, фамильная реликвия. Денег у него куры не клюют. Значит, можно запросить так, чтобы отстал.

— Тройную, — сказала она.

В зале стало тихо. Даже тренирующиеся притормозили, прислушиваясь. Тройная цена — это наглость. Такие деньги платят только за убийство королей или сопровождение караванов через драконьи горы.

— Чего? — переспросил Кортейн, думая, что ослышался.

— Тройную, — повторила Лика с улыбкой. — От той суммы, что ты назвал. И задаток вперед. Половину. Тогда, может быть, я соглашусь тебя сопровождать.

Она ждала, что сейчас он возмутится, назовёт её сумасшедшей, развернётся и уйдёт. И дело с концом. А она пойдёт досыпать и думать о новых сапогах, которые купит на те пять серебряных, что заработала вчера.

Но он не ушёл.

Он стоял и смотрел на неё так, будто видел впервые. Потом, к её удивлению, уголок его губ дёрнулся вверх.

— Тройная цена, — повторил он задумчиво. — Половина задатка. И что я получу за эти деньги?

— Лучшего наёмника в этом городе, — отрезала Лика. — Того, кто не бросит в беде, не сбежит при первой опасности и не продастся врагам за лишнюю монету. Того, кто умеет не только махать кулаками, но и думать. Если тебе нужна безмозглая гора мышц, которая будет кидаться на каждого, кто косо посмотрит, иди в порт, там таких полно. А если нужен профессионал — плати.

Кортейн молчал долго. Так долго, что Лика уже решила, что он сейчас развернётся и уйдёт, и даже немного расстро-

илась — тройная цена была бы очень кстати. Но с другой стороны, и слава богам. Не придётся иметь дело с этим чистюлей.

— Хорошо, — сказал он вдруг.

Лика не поверила своим ушам.

— Что — хорошо?

— Я согласен на тройную цену. — Он полез за пазуху и вытащил кошель, тяжело звякнувший монетами. — Здесь половина задатка. Золотом. Остальное получишь, когда вернёмся.

В зале кто-то присвистнул. Лика смотрела на кошель, потом на него, потом снова на кошель. Такого не могло быть. Ни один нормальный человек не согласится на такие условия. Либо он сумасшедший, либо...

— Ты чего? — спросила она подозрительно. — Зачем тебе это?

Кортейн убрал кошель обратно.

— Потому что ты права, — сказал он просто. — Мне надоели трусливые наёмники. Те, кто клянутся в верности, а при первой же опасности разбегаются. Те, кто боятся испачкать свои красивые мундиры. Ты первая за три недели, кто не стал со мной сюсюкать и пытаться понравиться. Ты сразу показала зубы. Значит, у тебя есть характер. А характер в нашем деле дороже мышц.

Лика растерялась. Она не ожидала такого поворота. Этот аристократ, который сначала смотрел на неё как на грязь,

вдруг оказался не таким уж простым.

— Ты серьёзно? — переспросила она.

— Абсолютно. — Он протянул руку. — Меня зовут Корт. Будем знакомы.

Лика посмотрела на его руку. Чистую, с аккуратными ногтями, без мозолей. И на свою — в царапинах, с содранными костяшками, с остатками чужой крови под ногтями.

Она пожала плечами и ответила на рукопожатие.

— Лика. Но ты уже знаешь.

Его ладонь была тёплой и сухой. И почему-то от этого прикосновения по коже пробежали мурашки. Лика мысленно приказала себе успокоиться и отдёрнула руку быстрее, чем следовало.

— Когда выезжаем? — спросила она деловито.

— Завтра на рассвете. Я остановился в «Золотой утке». Подойдёшь туда, спросишь Корта. Обсудим маршрут и детали.

— Договорились.

Он кивнул и направился к выходу. На пороге обернулся:

— И Лика... Приведи себя в порядок. Завтра нам предстоит долгий путь.

— Сам приведись, — буркнула она в ответ, но он уже вышел.

В зале повисла тишина, а потом грянул гогот.

— Лика, ты даёшь! — заржал седой мужик со скамьи. — Тройную цену! А он и согласился! Да ты теперь у нас коро-

лева!

— Иди ты, — отмахнулась Лика, но внутри у неё всё дрожало.

Она взяла у него кошель — тяжёлый, приятно звенящий — и спрятала за пазуху. Золото. Настоящее золото. Она сможет не работать полгода, если захочет. Или купить отличное снаряжение. Или...

Она поймала себя на том, что думает не о золоте, а о его глазах. Тёмно-серых, почти стальных, которые смотрели на неё в упор и не отводили взгляда.

— Дура, — сказала она себе. — Влюбиться в первого встречного аристократа — последнее дело. Тем более в такого... чистенького.

Но где-то глубоко внутри заскреблось знакомое чувство — то самое, которое она испытывала только перед самой опасной работой. Чувство, что грядёт что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и пошла договариваться с Гердой насчёт отъезда.

А Кортейн тем временем шёл по набережной и никак не мог выкинуть из головы её образ. Эту рыжую, похожую на дикую кошку, с разбитой губой и бешеными глазами. Она была совсем не похожа на тех жеманных девиц, которых ему сватали во дворце. И уж точно не похожа на ту принцессу, которую он искал.

Или похожа? Откуда ему знать? Он никогда не видел сво-

ей невесты взрослой. Только младенца в колыбели.

— Глупости, — сказал он себе вслух. — Просто удачный наёмник. И ничего больше.

Но перстень на пальце вдруг нагрелся, будто живой. Кортейн посмотрел на синий камень, в глубине которого, казалось, плясали искры.

— Я найду тебя, Ариана, — прошептал он. — Я обещал.

И где-то в порту, пересчитывая золотые монеты в своей каморке, Лика вдруг чихнула и поёжилась, словно кто-то прошёл по её будущей могиле.

— Чтоб тебя, — пробормотала она, не зная, кого имеет в виду. — Что за день сегодня такой странный?

Глава 4

Лика пришла ровно в назначенное время. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Привычка, выработанная годами: если скажут на рассвете, значит, будь готова, когда первые лучи тронут горизонт. Никто не любит наёмников, которые опаздывают. И никто не доверяет тем, кто приходит слишком рано — значит, либо подслушивал, либо слишком хочет понравиться.

«Золотая утка» встретила её запахом свежих булок и дорогого кофе. Лика даже притормозила на пороге, втягивая носом этот непривычный, почти забытый аромат. В «Старом крабе» пахло рыбой, дешёвым пойлом и хозяйским потом. Здесь — чистотой, уютом и деньгами.

— Вам назначено? — тут же подскочил вышколенный слуга в белой рубашке и жилетке.

— К Корту, — коротко бросила Лика, оглядывая холл. Мраморный пол, живые цветы в кадках, мягкие кресла у камина. Красиво живут эти аристократы.

— Следуйте за мной.

Слуга провёл её на второй этаж, постучал в дверь с бронзовой табличкой и, получив разрешение, распахнул створки:

— К вам посетительница, господин Корт.

Лика вошла и сразу пожалела, что не приоделась получше. Не то чтобы у неё было во что наряжаться, но хотя бы куртку

можно было почистить.

Кортейн стоял у окна, залитый утренним солнцем, и пил кофе из тонкой фарфоровой чашки. На нём была простая, но явно дорогая рубашка из светлого льна, тёмные штаны заправлены в уже знакомые сапоги ручной работы, волосы влажные после умывания. Он обернулся на звук шагов, и Лика снова поймала себя на том, что разглядывает его дольше, чем следовало.

— Ты вовремя, — заметил он, ставя чашку на столик. — Это хорошо. Я ценю пунктуальность.

— Я тоже ценю, когда не тратят моё время попусту, — парировала Лика, проходя в комнату и с интересом оглядываясь.

Номер был роскошный. Огромная кровать с балдахином, письменный стол, два кресла у камина, отдельная дверь, ведущая, видимо, в ванную. На столике — поднос с завтраком: булочки, масло, сыр, фрукты, кофейник.

— Будешь завтракать? — спросил Кортейн, проследив за её взглядом. — Заказывал на двоих, не знал, пришла ты или нет.

Лика хотела отказаться. Неудобно как-то, есть с чужим человеком за одним столом. Но желудок предательски заурчал, напоминая, что со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки, кроме кружки эля.

— Буду, — решительно сказала она и плюхнулась в кресло.

Кортейн сел напротив, наблюдая, как она накладывает себе на тарелку всё подряд. Ела Лика быстро, сосредоточенно, не обращая внимания на то, как это выглядит со стороны. Когда ты рос в приюте при гильдии, где еду надо было хватать, пока не растащили, хорошие манеры не прививаются.

— Тебя не учили пользоваться ножом? — не удержался Кортейн, глядя, как она отрезает сыр тем самым ножом, который носила на поясе.

— Этим? — Лика подняла клинок, блеснувший в свете камина. — Этим я умею пользоваться отлично. Хочешь демонстрацию?

— Не надо, — поспешно отказался Кортейн. — Я просто спросил.

Он отпил кофе, размышляя, как начать разговор. Эта девушка выбивала его из колеи. Вчера в гильдии она была дерзкой и наглой. Сегодня, в его номере, за его завтраком, она вела себя так, будто так и надо. Без тени смущения или подобострастия. Словно они равны.

— Итак, — начал он, когда Лика доела третью булочку и откинулась на спинку кресла, довольно жмурясь. — Поговорим об условиях.

— Поговорим, — согласилась она, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Но сначала я поставлю свои.

Кортейн поднял бровь:

— Твои условия? Это я наниматель.

— А я наёмник, — парировала Лика. — И поверь, таких,

как я, мало. Если хочешь, чтобы я тебя сопровождала и прикрывала твою благородную задницу, слушай сюда.

Она подалась вперёд, глядя ему прямо в глаза.

— Первое. Ты не лезешь ко мне в душу. Я не рассказываю, откуда я, кто мои родители и что я делала до того, как встретила тебя. Моё прошлое — моё дело.

— Допустим, — кивнул Кортейн. — Меня не интересует твоё прошлое. Мне важно, что ты умеешь делать сейчас.

— Вот и славно, — усмехнулась Лика. — Второе. В бою команду я. Если на нас нападут, ты делаешь то, что я скажу, и никакой самостоятельности. Я знаю, когда бежать, когда прятаться, а когда драться. Если ты решишь поиграть в героя и полезешь под пули — прости, под стрелы — я не буду тебя спасать. Предупреждаю сразу.

Кортейн нахмурился:

— Я не беспомощен. Я умею обращаться с оружием.

— О, я не сомневаюсь, — голос Лики сочился иронией. — Ты наверняка лучший фехтовальщик в своём кружке благородных бездельников. Ты умеешь красиво махать шпагой на дуэлях, когда противник соблюдает правила. А в настоящей драке, где бьют в спину, бросают ножи и брызгают в глаза кислотой, твои навыки стоят ровно столько, сколько вот эта булочка. — Она ткнула пальцем в остатки сдобы. — То есть ничего. Поэтому в бою команду я.

Кортейн сжал челюсть. Ему хотелось возразить, сказать, что он не раз участвовал в стычках с разбойниками, что его

учили лучшие мастера королевства... Но он промолчал. Потому что где-то в глубине души понимал: она права. Настоящих уличных драк, где нет правил и пощады, он не знал.

— Хорошо, — выдавил он. — В бою команду ты.

— Третье, — продолжила Лика, загибая пальцы. — Мы спим в разных комнатах. В разных. Не в одной, не в соседних через стенку, а именно в разных. Если в гостинице нет свободных номеров, ты спишь в конюшне или я сплю в конюшне. Но вместе — никогда.

Кортейн даже поперхнулся кофе.

— Ты думаешь, я собираюсь... — начал он возмущённо.

— Я ничего не думаю, — перебила Лика. — Я знаю жизнь. Дороги длинные, ночи тёмные, вино дешёвое, а у аристократов бывают странные фантазии. Я не хочу, чтобы ты потом рассказывал своим друзьям, как переспал с наёмницей в придорожном трактире. И я не хочу, чтобы мне пришлось тебя убить, если ты полезешь ко мне ночью. Поэтому — разные комнаты. Вопросы?

Кортейн смотрел на неё и чувствовал, как где-то в груди зарождается странное чувство — то ли злость, то ли уважение. Она продумала всё. Она защищала себя так же тщательно, как будет защищать его в пути.

— Нет вопросов, — сказал он сухо. — Разные комнаты. Договорились.

— Отлично. — Лика откинулась назад и сложила руки на груди. — Теперь твоя очередь. Что за работа? Куда едем?

Кого будем убивать?

Часть вторая. Легенда о реликвии

Кортейн помолчал, собираясь с мыслями. Он готовился к этому разговору, продумывал, что скажет, но сейчас, глядя в её настороженные глаза, почему-то чувствовал себя неуверенно. Будто врал не просто незнакомому человеку, а кому-то, кто имел право знать правду.

— Я ищу одну вещь, — начал он осторожно. — Семейную реликвию. Очень ценную. Она была утрачена много лет назад при... трагических обстоятельствах.

— Реликвию, — повторила Лика с сомнением. — Какую именно? Золото? Драгоценности? Артефакт?

— Скорее артефакт, — уклончиво ответил Кортейн. — Он имеет для моей семьи большое значение. Не столько материальное, сколько... символическое.

Лика прищурилась:

— И где эта реликвия?

— Этого я точно не знаю. Последний след ведёт в южные провинции. За Перевал Семи Ветров. Там, в горах, по слухам, осели разбойничьи кланы, которые грабили караваны много лет назад. Возможно, реликвия у них.

— За Перевалом? — Лика присвистнула. — Это дикие земли. Там даже местные власти не ступают. Одни бандиты да беженцы. Ты уверен, что хочешь туда сунуться?

— Уверен. — Голос Кортейна стал твёрдым. — Я ищу эту реликвию два года. объездил полкоролевства. И теперь у ме-

ня есть зацепка, что она там.

Ли́ка смотрела на него внимательно. Что-то здесь было не так. Слишком расплывчато, слишком туманно. Аристократы обычно нанимают людей для поиска сокровищ, если речь идёт о золоте или драгоценностях. Но они не таскаются лично в дикие земли. Они сидят в своих замках и посылают других.

— Ты сам с нами пойдёшь? — спросила она прямо.

— Да.

— Зачем? — удивилась Ли́ка. — Послал бы наёмников, они бы принесли. А сам бы сидел дома, в тепле и уюте.

Кортейн усмехнулся:

— Я уже посылал. Две группы. Ни одна не вернулась. Теперь я иду сам.

— Самоубийца, — констатировала Ли́ка без осуждения, просто как факт. — Ладно, твоё дело. Сколько нас будет?

— Я, ты и, возможно, ещё один человек. Проводник, которого я найму на месте. Чтобы не тащить лишних людей через перевал.

— Умно, — кивнула Ли́ка. — Чем меньше народу, тем меньше шансов, что кто-то продаст или сбежит. Мне нравится. А теперь давай про деньги.

Она достала из-за пазухи листок бумаги и огрызок карандаша.

— Я тут прикинула расходы. Тройная цена — это хорошо, но это только моя работа. Снаряжение, лошади, прови-

зия, плата за ночлег, возможные взятки — это отдельно. И ещё: если дело затянется дольше, чем на месяц, ты платишь за каждую лишнюю неделю половину оговорённой суммы. Если меня ранят, ты оплачиваешь лечение. Если убьют — выплачиваешь компенсацию гильдии, они там моим приятским скажут, кому отдать.

Кортейн слушал и не верил своим ушам. Эта девушка, которая час назад с жадностью набрасывалась на булочки, сейчас рассуждала как опытный делец. Чётко, ясно, без эмоций. Словно составляла договор купли-продажи.

— Ты всегда такая... дотошная? — не удержался он.

— Всегда, — кивнула Лика, не отрываясь от записей. — Потому что я ещё жива. А те, кто не умеют договариваться, давно кормят рыб в порту. Так мы договорились?

Кортейн вздохнул. Всё это выходило дороже, чем он планировал, но выбора не было. Либо он соглашается на её условия, либо ищет другого наёмника и тратит ещё недели, а то и месяцы. А время не ждало.

— Договорились, — сказал он. — Подготовь список всего необходимого. Я оплачу. Сколько нужно времени на сборы?

— Два дня. Мне нужно купить хорошие сапоги, тёплую куртку и нормальное оружие. То, что у меня есть, для южных лесов не годится.

— Хорошо. Через два дня выезжаем на рассвете. Встречаемся здесь же.

Лика поднялась, пряча бумажку обратно.

— Тогда я пошла. И ещё... — она остановилась в дверях. — Ты мне вчера не понравился. Сегодня — чуть больше. Но если ты нарушишь хоть одно моё условие, я уйду. Просто развернусь и уйду. И ты останешься один посреди диких земель со своей реликвией. Понял?

— Понял, — ответил Кортейн, чувствуя, как губы сами собой растягиваются в улыбку.

Эта женщина была невыносима. И восхитительна одновременно.

Часть третья. Городские хлопоты

Следующие два дня пролетели как один. Лика носилась по городу, закупая снаряжение, торгуясь с продавцами, проверяя качество кожи и остроту клинков. Деньги Кортейна жгли карман, но она заставляла себя тратить их разумно. Никаких излишеств, только самое необходимое.

Новые сапоги она выбрала на удивление быстро. Высокие, до колена, из толстой чёрной кожи, с двойной подошвой и металлическими вставками на голенищах. В таких и по горам лазить удобно, и в грязи не утонешь.

— Бери, — посоветовал старый сапожник, у которого Лика покупала обувь много лет. — Это гномья работа. Лет двадцать прослужат, если не сгоришь где-нибудь в драконьем пламени.

— Постараюсь не сгореть, — усмехнулась Лика, отсчитывая монеты.

Куртку она выбрала тоже тёплую, подбитую мехом, но

лёгкую. Из тех, что не сковывают движений, но греют даже в самые лютые морозы. Продавец клялся, что куртка из шкуры северного волка, но Лика подозревала, что это просто хорошо выделанная овчина. Главное, чтобы грела.

Оружие она решила не менять. Её ножи были проверены годами, привычны к руке. А вот для дальнего боя прикупила небольшой арбалет. Складной, удобный, с запасом болтов. В горах пригодится.

Вечером второго дня, сидя в своей каморке и перебирая покупки, Лика поймала себя на мысли, что впервые за много лет ждёт путешествия не как работы, а как... приключения. Странное чувство, почти забытое с детства, когда она ещё верила в сказки о рыцарях и принцессах.

— Дура, — сказала она себе вслух. — Работа это. Просто работа. Найдут они свою реликвию, получат деньги, и разойдутся как в море корабли.

Но перед глазами всё время стоял его взгляд — серый, внимательный, с искоркой где-то в глубине. Так смотрят на что-то ценное. На то, что хотят сохранить.

— Совсем с ума сошла, — проворчала Лика, задувая свечу. — Спать давай. Завтра рано вставать.

Она легла, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли о предстоящем пути, о диких землях, о разбойниках. И о нём. О том, как он улыбнулся, когда она ставила свои условия. Будто знал что-то, чего не знала она.

«Семейная реликвия, — подумала Лика. — Что-то здесь нечисто. Ни один аристократ не будет рисковать жизнью ради золота или драгоценностей. Значит, это что-то другое. Что-то очень важное. Может, магический артефакт? Или документы? Или...»

Она оборвала себя. Не её дело. Её дело — охранять, драться и получать деньги. А в чужие тайны лучше не лезть. Себе дороже.

Но где-то в глубине души заскреблось любопытство. И предчувствие. Что этот путь изменит всё.

Часть четвёртая. Ночной разговор

В «Золотой утке» Кортейн тоже не спал. Он сидел у окна, смотрел на звёзды и перебирал в памяти события последних дней.

Эрвин, его старый камердинер, бесшумно вошёл в комнату с чашкой тёплого молока.

— Вы опять не спите, ваша светлость, — с укором сказал он. — Завтра трудный день. Надо бы отдохнуть.

— Не могу, Эрвин. Мысли одолевают.

— О ней? О той рыжей наёмнице?

Кортейн усмехнулся:

— Ты наблюдателен.

— Я стар, — вздохнул Эрвин, ставя молоко на столик. — И многое видел. Но такую девушку — впервые. Она совсем не похожа на тех, кого вы обычно нанимаете.

— А кого я обычно нанимаю?

— Трусливых подхалимов, которые кивают на каждое ваше слово. А эта... эта сразу показала зубы. И условия поставила такие, будто не вы её нанимаете, а она вас.

Кортейн засмеялся:

— Ты прав. Именно поэтому я её и взял. Она не будет подхалимничать. Не будет бояться сказать правду. И не сбежит при первой опасности.

— Вы в ней уверены?

— Нет, — честно признался Кортейн. — Но чутьё подсказывает, что я не ошибся.

Он помолчал, глядя на перстень с лилией.

— Эрвин, ты помнишь тот день? Когда мне было шесть лет, и я давал клятву?

— Помню, ваша светлость. Я стоял у дверей тронного зала и молился, чтобы всё обошлось.

— Не обошлось, — тихо сказал Кортейн. — Её похитили в ту же ночь. И я двадцать лет ищу тень, которую никогда не видел. Что я скажу ей, когда мы встретимся? Если встретимся?

— Скажете правду, — просто ответил Эрвин. — Что искали её всю жизнь. Что помнили о клятве. Что... любите её, хотя и не знаете.

— Люблю? — Кортейн горько усмехнулся. — Как можно любить того, кого никогда не видел? Я люблю идею. Образ. Мечту.

— А может быть, — осторожно заметил Эрвин, — эта

мечта ближе, чем вы думаете?

Кортейн поднял голову:

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, ваша светлость. Просто стариковские фантазии. Спокойной ночи.

Эрвин поклонился и вышел, оставляя Кортейна наедине со звёздами и мыслями.

А где-то в порту, в каморке под крышей, Лика наконец провалилась в сон. Ей снились горы, снег и чьи-то серые глаза, которые смотрели на неё сквозь вьюгу.

Утро нового дня уже подкрадывалось к горизонту, готовое начать историю, которая изменит всё.

Глава 5

Они выехали затемно, как и договаривались. Лика явилась за час до рассвета, ведя в поводу двух лошадей — свою, привычную к портовым улицам, и запасную, навьюченную припасами. Кортейн уже ждал у крыльца «Золотой утки», одетый по-дорожному: тёмный плащ, высокие сапоги, на поясе — меч, который, как подозревала Лика, видел больше парадов, чем настоящих драк.

— Доброе утро, — поздоровался он, окидывая взглядом её снаряжение. — Хорошие лошади. Где достала?

— У знакомого барыги, — коротко ответила Лика, проверяя подпруги. — Дорого, но надёжно. Твоя — вон та, гнедая. Спокойная, не брыкается, в горах не понесёт.

Кортейн подошёл к лошади, погладил по морде. Животное довольно фыркнуло и ткнулось носом ему в ладонь.

— Умеешь с ними обращаться? — удивилась Лика.

— У нас в замке хорошая конюшня, — пожал плечами Кортейн. — С детства приучен.

— Ну да, — пробормотала Лика себе под нос. — Конечно, замок, конюшня... благородный же.

Она легко вскочила в седло, привычным движением поправив ножны на поясе.

— Трогаем. До темноты надо добраться до Трёх Дубов. Там есть приличный постоялый двор. Дальше тракт стано-

вится хуже, и ночевать в чистом поле не хочется.

Кортейн кивнул и последовал её примеру. Сел в седло уверенно, без суеты — Лика отметила это с невольным одобрением. По крайней мере, держаться в седле он умеет. Уже плюс.

Они выехали из города, когда первые лучи солнца только тронули горизонт. Порт Костей оставался позади — грязный, шумный, вонючий, но такой родной. Лика поймала себя на мысли, что впервые за много лет покидает его без сожаления. Наверное, потому что знала: вернётся. А может, потому что рядом ехал он.

Она отогнала эту мысль, как назойливую муху.

Дорога вилась среди полей и перелесков, иногда ныряя в тенистые рощи, иногда выбираясь на открытые пространства, где ветер трепал гривы лошадей и заставлял плотнее кутаться в плащи. Лика ехала молча, поглядывая по сторонам привычным настороженным взглядом. Кортейн тоже не спешил заговаривать, и это устраивало обоих.

К полудню они остановились у придорожного ручья напоят лошадей и перекусить тем, что Лика захватила из города: хлеб, сыр, вяленое мясо и фляга с водой.

— Держи, — протянула она Кортейну половину своей краюхи.

Он взял, поблагодарил, но есть не спешил. Вместо этого достал из седельной сумки свёрток и развернул его. Лика увидела аккуратные бутерброды с тонко нарезанным мясом,

сыром и зеленью, завернутые в чистую салфетку. Рядом — маленький ножик с костяной ручкой и даже салфетка.

— Угощайся, — предложил Кортейн, заметив её взгляд.
— Эрвин собрал.

Ли́ка фыркнула:

— Ну да, конечно. А то моя еда для благородного рта не подойдёт.

— Я не это имел в виду, — спокойно ответил Кортейн.
— Просто подумал, что свежее лучше вяленого. Но если не хочешь...

— Хочу, — перебила Ли́ка и бесцеремонно взяла бутерброд. — С голодухи и свежее пойдёт.

Она впи́лась зубами в хлеб и чуть не застонала от удовольствия. Мясо было нежнейшее, с каким-то пряным соусом, зелень пахла летом, а сыр таял во рту.

— Это что за мясо? — спроби́ла она с набитым ртом.

— Куропатка, — ответил Кортейн, наблюдая за ней с лёгкой улыбкой. — Эрвин умеет готовить. Говорит, в дороге надо питаться хорошо, иначе силы быстро кончатся.

— Умный у тебя Эрвин, — признала Ли́ка, дожёвывая. — И готовить умеет. Редкость для мужчины.

— Он вообще много чего умеет, — согласился Кортейн.
— Ня́нчил меня с пелёнок, учил уму-разуму, а когда мама умерла, заменял мне всё. Я без него как без рук.

Ли́ка промолчала. У неё никогда не было ни нянек, ни заботливых стариков. Только приютские воспитатели, которые

лупили за провинности, да старшие наёмники, которые учили выживать, но не жалели.

Она доела бутерброд, запила водой из фляги и поднялась.
— Едем дальше. До Трёх Дубов ещё часа четыре.

Часть вторая. Постоялый двор «Три дуба»

К вечеру небо затянуло тучами, и начал накрапывать мелкий, противный дождь. Лика зябко повела плечами, радуясь, что купила тёплую куртку. Кортейн ехал рядом, накинув капюшон плаща, и, кажется, не обращал внимания на непогоду.

— Вон они, — показала Лика на три огромных дуба, возвышавшихся на пригорке. — А за ними — постоялый двор. Хорошее место, я тут пару раз останавливалась. Хозяин не жулик, еда приличная, постели чистые.

Они свернули с тракта и через пять минут уже въезжали во двор, окружённый высоким частоколом. Ворота были открыты, внутри горели фонари, и пахло дымом и жареным мясом.

— На стой! — крикнула Лика, спешиваясь.

Из конюшни вышел паренёк лет пятнадцати, принял лошадей. Лика коротко распорядилась:

— Напоить, накормить, почистить. Деньги потом.

Они вошли внутрь. Постоялый двор оказался именно таким, как помнила Лика: большой общий зал с длинными столами, камин, в котором весело потрескивали дрова, стойка, за которой возвышался толстый хозяин с хитрыми глазками.

— Лика! — расплылся он в улыбке. — Давно не виделись! Снова на заработки?

— Здорово, Томас, — кивнула Лика, усаживаясь за ближайший стол. — Комнаты есть?

— Для тебя всегда есть. — Томас перевёл взгляд на Кортейна, оценивающе сощурился. — А это кто с тобой? Не похож на нашего брата.

— Наниматель, — коротко бросила Лика. — Две комнаты. Отдельные. И ужин. Мясо, похлёбка, хлеб и вино.

— Какое вино? — подал голос Кортейн.

Лика обернулась к нему:

— А какое надо?

— Лучшее, что есть, — спокойно ответил Кортейн. — И мясо пусть будет с кровью, если можно.

Томас понимающе хмыкнул и ушёл распоряжаться.

Лика посмотрела на Кортейна в упор:

— Ты зачем это сказал?

— Что именно?

— Про лучшее вино. И про мясо с кровью. — Она понизила голос. — Томас теперь решит, что ты богатый лопух, и сдерёт с нас втридорога.

— Пусть дерёт, — пожал плечами Кортейн. — У меня деньги есть.

— Дело не в деньгах! — вспылила Лика. — Дело в том, что если ты будешь везде светить своим благородством, нас ограбят в первую же ночь! Здесь тебе не столица, здесь люди

простые, и если видят, что можно пожить, — поживятся.

Кортейн посмотрел на неё внимательно:

— Ты думаешь, меня так легко ограбить?

— Я думаю, что ты не знаешь жизни, — отрезала Лика.

— Там, откуда ты пришёл, люди придерживают двери и заказывают лучшее вино. А здесь люди придерживают ножи и заказывают лучшую выпивку, чтобы напоить лоха и обчистить его карманы.

Она отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Кортейн молчал, переваривая её слова. Потом тихо сказал:

— Прости. Я не хотел создавать проблем. Просто... привык так.

— Привык, — буркнула Лика. — Вижу, что привык. Ладно, проехали. Но в следующий раз спрашивай меня, прежде чем заказывать что-то.

Томас принёс ужин. И правда, мясо было отличное, с кровью, как любил Кортейн. Похлёбка — густая, наваристая, с кусками мяса и овощей. Хлеб — свежий, ещё тёплый. И вино... вино и правда оказалось лучшим. По крайней мере, Лика такого в Порт-Костях не пила.

— Ничего так, — признала она, отпивая из кружки. — Томас, ты молодец. Не обманул.

— А я всегда для тебя стараюсь, Лика, — ухмыльнулся толстяк, вытирая руки о фартук. — Ты ж наша, портовая. А

господину твоему скажи: если что надо, я мигом.

— Скажу, — пообещала Лика. — Иди уже, не стой над душой.

Когда Томас ушёл, она снова повернулась к Кортейну и замерла.

Он держал нож и вилку. Оба прибора были чистые, блестящие, явно из его собственного набора. И он резал мясо аккуратными кусочками, подносил ко рту вилкой, жевал медленно, не спеша, иногда промокая губы салфеткой.

Лика смотрела на это как на представление в цирке. Она ела руками, отрывая мясо от кости и макая в соль, хлеб ломала, похлёбку хлебала прямо из миски, потому что ложка была одна на двоих и она отдала её Кортейну (он, кстати, даже не заметил, что ложка одна, и ел похлёбку с таким видом, будто это изысканное блюдо при королевском дворе).

— Ты чего смотришь? — спросил Кортейн, поймав её взгляд.

— На тебя смотрю, — честно ответила Лика. — Ты ел когда-нибудь руками?

— Ел. В детстве. Но меня быстро отучили. Мама говорила, что благородный человек должен уметь есть приборами даже в лесу, даже под дождём, даже если вокруг никого нет. Потому что воспитание — это то, что остаётся с тобой всегда.

— Мама у тебя была мудрая, — усмехнулась Лика. — Только вот в лесу, под дождём, когда никого нет, вилка тебе

не поможет, если нападут волки. А руками можно и от волка отбиться, и мясо сырое съесть, если придётся.

Кортейн улыбнулся:

— Ты всегда такая практичная?

— А то. — Лика доела мясо, облизала пальцы и вытерла их о штаны. — Иначе не выжить. Вот ты, например, зачем дверь придержал, когда мы входили?

— Что? — не понял Кортейн.

— Дверь. Ты придержал её и пропустил меня вперёд. Зачем?

— Ну... это вежливость. Мужчина должен пропускать женщину.

Лика фыркнула:

— Во-первых, я не женщина. Я наёмник. Во-вторых, если бы там, за дверью, была засада, ты бы пропустил меня прямо под удар. Вежливость, называется.

Кортейн нахмурился:

— Я как-то не подумал об этом.

— А надо думать. — Лика откинулась на спинку лавки. — В дороге другие правила. Здесь нет благородных дам и кавалеров. Здесь есть те, кто выживает, и те, кто умирает. Если ты будешь вести себя как при дворе, нас убьют в первый же серьёзной стычке.

— Я понял, — серьёзно кивнул Кортейн. — Постараюсь исправиться.

— Постарайся, — буркнула Лика.

Но где-то глубоко внутри, под слоем цинизма и недоверия, что-то ёкнуло. Она привыкла, что мужчины в её мире либо хотят её убить, либо хотят её трахнуть, либо хотят использовать. Никто никогда не придерживал для неё дверь. Никто не заказывал лучшее вино. Никто не смотрел на неё так, будто она не просто инструмент для выполнения работы, а... человек.

Она отогнала это чувство, как только оно появилось. Нечего раскисать.

Часть третья. Ночь в «Трёх дубах»

После ужина они разошлись по комнатам. Лика долго не могла уснуть — непривычно было спать одной, без привычного шума порта, без запаха рыбы и криков чаек. Она лежала на кровати, смотрела в потолок и думала.

О нём думала. О том, как он резал мясо ножом и вилкой. Как придерживал дверь. Как заказал лучшее вино. Это раздражало. Это бесило. Но ещё это... трогало. Трогало до чёртиков, потому что она никогда не знала, что такое — когда о тебе заботятся просто так. Не потому, что ты нужна для дела, а потому, что так принято.

— Дура, — прошептала Лика в темноту. — Влюбиться в аристократа, который ищет какую-то реликвию? Да он через неделю забудет твоё имя, как только вернётся в свой замок.

Но сердце не слушалось. Оно колотилось где-то в горле при одном воспоминании о его улыбке.

В соседней комнате Кортейн тоже не спал. Он сидел у ок-

на, смотрел на звёзды и думал о ней. О её грубых манерах, о её настороженности, о том, как она сжималась, когда он делал что-то «благородное». Будто ожидала подвоха. Будто не верила, что можно быть просто добрым без скрытой выгоды.

— Кто же тебя так обидел, Лика? — тихо спросил он у ночи. — Кто научил тебя не доверять?

Перстень на пальце вдруг нагрелся, и Кортейн посмотрел на него. Синий камень мерцал в темноте, отражая лунный свет.

— Я найду тебя, Ариана, — прошептал он. — Я обещал.

Но почему-то сейчас, глядя на звёзды, он думал не о принцессе, а о рыжей наёмнице с разбитой губой и бешеными глазами, которая ела мясо руками и учила его выживать.

Утро нового дня уже кралось по крышам, готовое начать очередную главу их долгого пути.

Часть четвёртая. Утренний разговор

Лика проснулась затемно, как всегда. Привычка, вбитая годами: если не встанешь первой, кто-то другой может занять твоё место. Она быстро умылась ледяной водой из рукомойника, оделась и спустилась в общий зал.

Кортейн уже сидел за столом. Перед ним стояла кружка с дымящимся отваром, а на тарелке лежали свежие булочки.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Выспалась?

— Нормально, — буркнула Лика, садясь напротив.

Она взяла булочку, откусила половину и запила водой из своей фляги. Кофе она не пила — не приучена была к такому

баловству.

— Я тут подумал, — начал Кортейн осторожно. — Насчёт вчерашнего. Ты права. Я буду стараться вести себя... соответственно обстановке.

Ли́ка подняла на него глаза:

— Правда?

— Правда. — Он улыбнулся. — Я не хочу, чтобы из-за моих привычек мы попали в беду. Обещаю: никаких придер-
жанных дверей и лучших вин без твоего разрешения.

Ли́ка хотела сказать что-то язвительное, но не смогла. Вместо этого уголки её губ дрогнули в ответной улыбке.

— Ладно, — сказала она. — Уговорил. Но смотри у меня. Если ещё раз выкинешь такой номер — прибую.

— Договорились, — серьёзно кивнул Кортейн.

Они позавтракали в тишине, но это была уже не та напря-
жённая тишина первого дня, а спокойная, почти дружеская. Лёд тронулся, и где-то под ним уже зарождалось что-то но-
вое, что оба пока боялись назвать.

Когда они выехали со двора, солнце только поднималось над горизонтом. Дорога уходила на юг, к горам, к приключе-
ниям, к опасностям. И к тому, что изменит их жизни на-
всегда.

Глава 6

Они выехали затемно, как и привыкли за несколько дней пути. Лика вела их короткой дорогой — через старый лес, которым местные крестьяне старались не пользоваться. Слишком много слухов ходило о разбойниках, облюбовавших эти места. Но Лика знала: слухи слухами, а время дороже. Если объезжать лес по тракту, потеряют дня три, а то и четыре.

— Ты уверена, что это безопасно? — спросил Кортейн, когда они въехали под сень огромных деревьев.

— Никогда ничего не бывает безопасно, — философски заметила Лика, пригибаясь под низко нависшей веткой. — Но здесь хотя бы есть где спрятаться, если что. На открытом тракте нас видно за версту.

Кортейн промолчал, но Лика заметила, как его рука то и дело ложится на рукоять меча. Нервничает. Ну ничего, привыкнет.

Лес встретил их сыростью и полумраком. Солнце с трудом пробивалось сквозь густые кроны, и внизу царил вечный зелёный сумрак. Пахло прелой листвой, грибами и ещё чем-то неуловимо тревожным. Лошади шли нервно, прядая ушами, всхрапывали без причины.

— Чуют что-то, — тихо сказала Лика, натягивая поводья.
— Приготовься.

Кортейн положил руку на меч, но Лика покачала головой: — Меч не вытаскивай. Если нападут, сначала попробуем договориться. Меч — это всегда последний аргумент.

— А если не захотят договариваться?

— Тогда будешь смотреть, как работают профессионалы, — усмехнулась Лика. — И не вздумай лезть вперёд. Помни наше соглашение: в бою команду я.

Кортейн кивнул, хотя видно было, что ему не нравится роль пассивного наблюдателя.

Они проехали ещё около часа. Лес становился всё гуще, тропа уже — местами приходилось пробираться по одному, пропуская лошадей. Лика внимательно вглядывалась в заросли, отмечая про себя каждую подозрительную тень, каждый неестественно согнутый куст.

Они появились внезапно. Просто выросли из-под земли — шестеро мужиков в рваных кафтанах, с дубьём и ножами. Двое перегородили тропу спереди, двое сзади, и ещё по одному с каждой стороны.

— А вот и гости! — осклабился главарь, здоровенный дедина с рыжей бородой и кривым шрамом через всю рожу. — Добро пожаловать в наши владения. Плату за проезд знаете?

Лика осадил лошадь, оглядывая разбойников спокойным, почти ленивым взглядом. Шестеро. Вооружены плохо, но это не важно — в лесу и дубина опасна. Главарь явно главный, у него даже меч есть, ржавый, но меч. Остальные — шантрапа, набежали на лёгкую добычу.

— Какую плату? — спросила она миролюбиво. — Мы люди небогатые, путешественники. Может, договоримся?

— Договариваться будем после того, как проверим ваши кошельки, — рыгнул главарь. — Слезьте с лошадок, красавица, и ты, господин хороший. Руки держите так, чтоб я их видел.

Лица покосилась на Кортейна. Тот сидел в седле напряжённый, как струна, рука на мече. Ещё секунда — и выхватит. А этого делать нельзя.

— Корт, — позвала она тихо, почти неслышно. — Сиди смирно. Это моя работа.

Она легко соскользнула с лошади, подняла руки вверх, показывая, что безоружна.

— Видишь, я послушная. Давай поговорим.

Главарь довольно хмыкнул и шагнул к ней. Ошибка. Первая и последняя.

Часть вторая. Скорость и грязь

Дальше всё произошло быстрее, чем Кортейн успел моргнуть.

Лица, всё ещё с поднятыми руками, вдруг сделала шаг вперёд, одновременно уходя с линии атаки. Её правая нога взметнулась в ударе, врезаясь главарю точно в колено сбоку. Хрустнуло так, что Кортейн вздрогнул. Разбойник заорал и начал валиться, но Лица уже не смотрела на него.

Она подхватила его падающий меч, даже не глядя, одним движением, и метнула его в того, кто стоял слева. Клинок

вошёл мужику в плечо по самую рукоять — Лика не целилась убивать, только вывести из строя.

Двое спереди бросились на неё с дубинами. Лика нырнула под замах первого, пропуская дубину над головой, и тут же врезала ему локтем в солнечное сплетение. Мужик сложился пополам, выдыхая со свистом. Второй замахнулся, но Лика уже была рядом, перехватила его руку, рванула на себя и добавила коленом в пах. Дубина выпала, разбойник рухнул на колени, воя.

Двое сзади наконец сообразили, что происходит, и бросились на помощь. Но расстояние играло против них. Лика выхватила из-за пояса метательный нож — тот самый, которым вчера резала мясо — и отправила его в бедро ближайшего. Мужик взвыл, споткнулся и покатился по земле.

Последний, увидев, что остался один против этой рыжей фурии, замер на секунду, а потом развернулся и ломанулся в кусты.

— Стоять! — рявкнула Лика.

Он не послушался. Она вздохнула, подобрала с земли камень и метнула ему вслед. Камень попал точно в затылок. Мужик ткнулся носом в мох и затих.

Всё. Шестеро лежат. Кто воет, кто молчит, кто пытается уползти. Лика отряхнула руки, подошла к главарю, который корчился на земле, держась за раздробленное колено.

— Слушай сюда, — сказала она негромко, но так, что услышали все. — Вы напали не на тех. Мы не купцы, не ло-

хи, не добыча. Мы те, кто делает такими, как вы. Понял?

Главарь закивал, белый от боли.

— Запомни моё лицо, — продолжила Лика. — И лицо моего спутника. Если ещё раз встретимся — убью. Не покалечу, не припугну, а убью. И всех твоих дружков тоже. Передай своим, чтобы держались подальше от этой дороги. Ясно?

— Я... ясно... — прохрипел главарь.

— Чудненько.

Лика выдернула нож из бедра второго разбойника, вытерла лезвие о его же штаны и вернула на пояс. Потом подошла к тому, что лежал с мечом в плече, и вытащила клинок. Раненый взвыл, но Лика не обратила внимания.

— Жить будете, — бросила она через плечо, забираясь в седло. — Если, конечно, не истечёте кровью раньше, чем доползёте до своего логова. Но это уже ваши проблемы.

Она повернулась к Кортейну, который всё это время сидел на лошади, открыв рот.

— Едем, — коротко сказала Лика. — Пока остальные не набежали.

Кортейн кивнул и тронул лошадь следом. Он не проронил ни слова, пока они не отъехали достаточно далеко от места схватки.

Часть третья. Шок благородного

Остановились они только через час, когда лес начал редеть и впереди показался просвет. Лика натянула поводья, спрыгнула с лошади и подошла к ручью — ополоснуть руки

от крови.

Кортейн спешил следом. Он молчал, и это молчание было красноречивее любых слов.

— Что, никогда не видел, как людей бьют? — спросила Лика, не оборачиваясь.

— Видел, — голос Кортейна звучал странно. — Но не так.

— А как?

— Ты... — он запнулся, подбирая слова. — Ты двигалась, как... я не знаю. Как ветер. Как вода. Они просто не успевали за тобой. Шестеро здоровых мужиков, а ты их размазала за десять секунд. Я даже моргнуть не успел.

Лика усмехнулась, вытирая руки о траву.

— Десять секунд — это долго. В идеале надо укладываться в пять. Но я сегодня не в форме, давно не тренировалась как следует.

— Не в форме? — переспросил Кортейн с каким-то нервным смешком. — Ты шутишь?

— Нисколько. — Лика наконец обернулась и посмотрела на него. — Первый удар должен был быть в челюсть, а я попала в колено. Это плохо. Если бы он успел закрыться, я бы потеряла темп.

Кортейн смотрел на неё и не верил своим ушам. Она только что раскидала шестерых, а теперь спокойно разбирала ошибки, как учитель фехтования на тренировке.

— Где ты этому научилась? — спросил он.

— В гильдии, — пожала плечами Лика. — С детства. Нас

там учили всему: драться, прятаться, убивать, лечить, выживать в любых условиях. Кто не выучил — тот умер. У нас была строгая школа.

— Сколько тебе было лет, когда ты попала в гильдию?

— Понятия не имею. — Лика отвернулась, чтобы он не видел её лица. — Меня нашли на ступеньках приюта, когда мне было примерно года три. Ни имени, ни родителей, ничего. Назвали Ликой, потому что рыжая. И всё.

Кортейн почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он всю жизнь искал одну потерянную девочку, а перед ним стояла другая — тоже потерянная, тоже без прошлого, только искать её никто не собирался.

— Прости, — тихо сказал он. — Я не хотел...

— Ничего, — перебила Лика. — Это жизнь. У кого-то есть замки и слуги, у кого-то — приют и нож. Мне не на что жаловаться, я жива, сыта и умею зарабатывать. Многие в Порт-Костях могут только мечтать о таком.

Она подошла к лошади, достала флягу и сделала большой глоток.

— Ладно, хватит лирики. Едем дальше. До темноты надо добраться до следующего постоянного двора, а там ещё полдня пути.

Кортейн кивнул, но с места не сдвинулся.

— Лика, — позвал он.

— Что?

— Спасибо. За то, что сделала. Я понимаю, это твоя ра-

бота, но... спасибо. Ты действительно лучшая.

Ли́ка замерла на секунду, потом хмыкнула и забралась в седло.

— Считай это частью сервиса. За тройную цену я не только разбойников гоняю, но и комплименты выслушиваю. Поехали.

Она тронула лошадь, скрывая смущение. Комплиментов она не привыкла получать. Тем более таких — искренних, без подтекста.

Часть четвёртая. Пламя в лесу

Они выехали на открытое место, когда солнце уже клонилось к закату. Впереди расстиралось поле, за которым виднелись крыши деревни. Ещё час — и они будут на месте.

Ли́ка уже расслабилась, предвкушая тёплую постель и горячий ужин, когда краем глаза заметила движение. Из леса справа вылетела стрела.

Она успела только крикнуть: «Ложись!» — и сама рухнула с лошади, уходя с линии огня. Стрела вжикнула над ухом и вонзилась в дерево.

— Засада! — заорала Ли́ка, перекатываясь и выхватывая ножи. — На дереве! Справа!

Из леса выскочили ещё трое — видимо, те, кто не пошли в первую засаду, а остались в резерве. Или другая шайка, почувшавшая лёгкую добычу. Ли́ка метнула нож, сбивая одного, но двое уже бежали прямо на них.

И тут произошло то, чего она никак не ожидала.

Кортейн, который всё это время сидел на лошади, вдруг скинул руку. Воздух вокруг него замерцал, нагрелся, и из ладони вырвался ослепительный поток пламени. Огненная стена взметнулась перед бегущими разбойниками, останавливая их на полпути.

— Назад! — крикнул Кортейн, и голос его звучал незнакомо — властно, жёстко, как у человека, привыкшего повелевать.

Разбойники замерли, глядя на огонь. Один, самый смелый или самый глупый, рванулся вперёд, пытаясь обойти стену. Кортейн повёл рукой, и поток пламени хлестнул точно по нему, как огненный кнут. Мужик взвыл, схватился за обожжённое лицо и рухнул на землю, катаясь в грязи.

Второй не стал испытывать судьбу — развернулся и побежал в лес. Третий, тот, что сидел на дереве и стрелял, спрыгнул и тоже ломанулся в чащу, забыв про лук.

Кортейн опустил руку. Огонь погас так же внезапно, как и вспыхнул. В наступившей тишине было слышно только тяжёлое дыхание раненого разбойника да треск сучьев под ногами убегающих.

Лица стояла, глядя на Кортейна во все глаза. Она видела магов и раньше — в гильдии иногда работали с огневиками, лекарями, даже с одним воздушником. Но то были наёмники, такие же, как она. А тут...

Кортейн выглядел сейчас совершенно иначе. Не тот аккуратный аристократ, который придерживал двери и заказы-

вал лучшее вино. Перед ней стоял воин. Сильный, опасный, владеющий силой, которую Лика даже представить себе не могла.

И эта сила была прекрасна.

Она не хотела признаваться себе в этом, но когда огонь вырвался из его руки, озарив всё вокруг золотым светом, у неё перехватило дыхание. Это было красиво. Страшно, величественно, завораживающе красиво.

— Ты... маг, — выдохнула она наконец.

Кортейн опустил глаза, словно только что осознал, что сделал.

— Да, — сказал он тихо. — Маг огня. Я не хотел скрывать, просто...

— Просто не знал, как я отреагирую? — усмехнулась Лика. — Думал, если узнаю, что ты не просто мажор, а ещё и огневик, то сбегу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.